

СИЯВУШ МАМЕДЗАДЕ

БОЛГАРСКИЕ МОТИВЫ

Сны о Болгарии

Гекзаметром протяжного прибора
Окатывала амфору волна...
И в тишине домашнего покоя
Я погружался в наважденье сна.
И в памяти всплывали имена,
И оживали голоса и лица
Друзей, знакомых вереница,
Меня забывшая наверняка,
И музыка иного языка
Аукала, звала издалека,
И это быть могло строкой поэта,
Названьем улиц, городов иль рек,
Ещё не знавших чуда интернета,
До коего додумался наш век.
По этим улицам когда-то топал,
Те города я обходил не раз,
Элладою овеянный Созополь,
Несебр и нефтью пахнувший Бургас.
И к Витоше прильнувшая София
Косулю в кущах горных берегла.
Моя поверхностная эйфория
Со временем в любовь переросла.
Взлелеянные в Казанлыке розы
Будили романтические грёзы,
Одна из них звездой оказалась,
И назвала себя: «Мария Каллас».
Я видел море Чёрное под Варной
Ненастьем омрачённым дочерна...
Но помнится легендой лучезарной
Меня в себя влюбившая страна.
Ворочалась у берега волна,
Качала снова лодки у причала,
И амфора гекзаметром звучала
В чудесном наважденье сна...

Январь. 2018 г.

«Стоит над горою Алёша...»

В горах балканских властвует зима,
Седеют кущи, крыши и дома,
Гуляет над равнинами пороша.
Стоит увековеченный Алёша,
Вознесшийся над бездной снеговой.
Он не вернётся никогда домой,
В родимый край, с дороги фронтовой...
Он не узнает, всматриваясь в дали,
Что появился вдруг на пьедестале,
В итоге планетарных передряг
Фашистский ненавистный знак.
Он не заметит, как подошла украдкой
К подножию предательская тень.
Елозя краской гадкою в руке,
С коричневой начинкою в башке.
Не знал Алёша в праведном бою,
Кто бросит тень на братскую семью,
Что недобитая в войне чума
Сведет кого-то с разума-ума...

Но есть Болгария другая, есть,
Хранящая достоинство и честь!
Болгария, чей воин в тридцать третьем
Дал отповедь коричневым наветам,
Предвосхищая подвиги Алёш,
И победил коричневую ложь!

... Над Пловдивом куражится зима.
Гуляет над равнинами пороша,
Стоит увековеченный Алёша,
Восходит солнце, убегает тьма!

Черешобер в Кюстендире

Георгию Струмскому

Это пиршество природы,
Райской щедрости пример,
Праздник радостной работы,
Названной – черешобер!
Это слово было ново,
Щекотало слух гостей,
Призывало вновь и снова:
«Угощайся! Не робей!»

Друг мой, уроженец здешний,
Подарил нам рай с черешней,
Благодать родной земли,
При участии Мими,
Управлявшей «Жигули».
А жена моя, плоды
Уминая, не томилась,
А плоды, как божья милость,
Услаждали наши рты.
Мне жена сказала просто:
– Знаешь, я наелась вдосталь,
А глазами всё же – нет...
Я ничуть не удивился
Откровению жены.
Мне причина стала ясной, –
Ведь ждала отца напрасно
Моя милая с войны...

Старая быль

Властители ласкали искони
Лояльных и покладистых пиитов,
Чтоб пели вдохновеннее они,
Войдя в ряды пригретых фаворитов.

И сыпались щедроты и награды,
И причащались к славе меценаты,
Вытряхивая деньги из кошны
С оглядкой на правителей страны.

История свершила строгий суд
По высшему, безжалостному счёту,
И полетели дифирамбы к чёрту,
Временщиков обозначая суть.

... Но здесь я рассуждения прерву,
И возражу себе по существу:
Ведь были гениальные устады,
Не чаявшие лавров и награды,
Творенья их бессмертье обрели.
Пропетые цари и короли
Забвения избегнуть не смогли.

